

В.В. ТРЫНКИН, канд. филос. наук, доцент НГПУ им. К. Минина, e-mail: protektop@live.ru/

ПРОБЛЕМА ЧЕЛОВЕКА И ЧЕЛОВЕЧНОСТИ В РЫНОЧНЫХ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЯХ

V.V. Trynkin

THE PROBLEM OF MAN AND HUMANITY IN THE MARKET OF PUBLIC RELATIONS

В статье исследуются некоторые системообразующие принципы современного экономического учения «Экономикс», а также степень соответствия его главных принципов реалиям общественно-экономической жизни. На основе системно-философского подхода делается вывод, что главные принципы экономикса: предельной полезности, ориентации на потребителя, хозяйственного индивидуализма, ценового равновесия – фактически деформируют реальное состояние общественно-экономических отношений в угоду немногочисленным группам населения планеты. В то же время человек творящий – основное измерение экономического развития – лишён своего места и роли в широком общественно-экономическом прогрессе общества.

***Ключевые слова:** предельная полезность, ориентация на потребителя, хозяйственный индивидуализм, корпорации, ТНК, творчество, человечность*

This article explores some systemically-important principles of the modern economic doctrine "Economics" as well as if its main principles correspond with the reality of the socioeconomic life. (the extent to which his the main principles of the realities of socio-economic life). On the basis of the systematic and philosophical approach the author concludes that the main principles of Economics: (èkonomiksa) the marginal utility, customer focus, economic individualism, price equilibrium in fact distort the true state of the socioeconomic relations in favor of small groups of people on the planet. At the same time, the primary measure of economic development – the creating man is stripped of his creative role and place in the broad socioeconomic progress of the society.

***Key words:** marginal utility, consumer-oriented, economic individualism, corporations, TNC, creativity, humanity*

Введение

Человек в классической философии долгое время считался подлинным творцом истории, основой любого социального бытия, и он исходно воспринимался как нечто целостное, духовно наполненное, будучи способен многосторонне участвовать в преобразовании окружающей жизни. Но привычные философские воззрения ныне радикально изменены в силу того, что человек совсем по-иному рассматривается активно утверждающимся экономическим учением «Экономикс», созданным группой западных экономистов (Г. Беккером, М. Блаугом, Л. Мизесом, Ф. Хайеком и другими). Теория экономикса предлагает особый ракурс общественной регуляции, в которой определяющую роль начинает играть не человек-творец, не человек – многосторонний созидатель жизни, а человек в облике единственной своей ипостаси – потребителя. И хотя данное утверждение с классической философской позиции тотчас начинает вызывать множество возражений, учение «Экономикс», широко распространенное в мировой экономике, подтверждает свою возможность именно данной трактовки природы человека, прежде всего, фактически утвердившимися экономическими отношениями, а также соответствующей аргументацией. Впрочем, в экономиксе не забыта и созидательная природа человека, однако ей выпадает роль индивидуалистического противостояния мощным экономически-общественным структурам, что практически невозможно. Наконец,

особое место в аргументации экономикса занимает проблема нравственности, правда, с явно противоположным знаком. Причём теоретики экономикса не просто демонстрируют сочувствующую позицию в связи с рыночным попранием принципов нравственности, но создают особый вид как бы экономического облика нравственности. Правда, существо данного облика от подлинной нравственности очень далеко. В статье будет предпринято исследование основных постулатов экономикса (человека-потребителя, предельной полезности, хозяйственника-индивидуалиста, рыночной нравственности), будет дана их теоретическая оценка, а также сами эти постулаты будут соотнесены с фактическими экономическими реалиями, дабы полнее выявить их вес и значимость.

Внимание к данной теме обусловлено тем, что экономика ныне исследуется преимущественно экономистами, которые, казалось бы, занимаются сугубо специальной отраслью знаний. Философами современности, за исключением одной работы С.Н. Булгакова в начале XX века, экономическая тематика не исследуется. А между тем внутри экономикса ныне вышло весьма снисходительное отношение к философии в целом, причём, место высокого философского взгляда на общественные отношения ныне заняла позиция именно современных представителей экономикса. В этой связи также весьма актуально философу приблизиться к данной сфере, дабы найти не узкоэкономический, а широкий и глубокий философский подход к изучению рассмотренных в экономиксе тем.

§ 1. Человек-потребитель

Экономикс одержим ныне стремлением безоговорочного признания рыночных отношений как успешной основы любой социальной регуляции. Из великих социально-экономических и экономико-социальных учений прошлого его адептами вспоминаются и воссоздаются лишь рыночные аргументы, которые звучат ныне внешне мажорно, обнадеживающе, обещая избавить человечество от всех его тягот. Прелюдией к обоснованию преимуществ рынка как высшего типа регулятивных отношений является «Laissezfair», иначе – полный либерализм, предполагающий развитие экономики без каких-либо внешних вмешательств. Именно в данном ключе трактуется идеал свободы, в котором уже нет ни слова о гражданском достоинстве личности, а имеется в виду полнейшая свобода только для субъектов, вступающих в рынок, а кроме того, свобода для межгосударственного движения цен и ресурсов [18, с. 104]. Рыночные свободы тесно переплетаются с идеалом конкуренции, которая сама по себе, некоей «невидимой рукой» способна рассудить рыночные отношения без вмешательства и без воздействия разумом наделённых и структурно-организованных сил [11, с. 122].

В декларированной экономиксом теории рынка изучающему сознанию предъявляется равновесие интересов спроса и предложения [9, с. 76], т.е. достижение своеобразного пакета соглашений меж продавцами и покупателями [16, с. 10], как бы подающего рыночный пример специфической социальной гармонии. Впрочем, тут же появляются упреки в сторону Рикардо и его последователей за игнорирование проблемы спроса в связи с акцентом на важности предложения (точнее – общественного производства). Таким образом, в данных упреках уже содержится момент возвышения категории покупателей над категорией продавцов, а общественное производство словно уходит в некую тень. Вскоре, при углублении в теорию, оказывается, что благостному равновесию интересов продавца и покупателя экономикс действительно противопоставляет командира-потребителя, как бы сразу же наказывающего потерей достатка того, кто не желает служить потребительским интересам [10, с. 255]. И теперь уже получается, что именно потребитель силою своею потребления и своими непрерываемыми требованиями, которые всюду исполняются вроде бы безоговорочно, превращает бедных в богатых, а богатых – в бедных [10, с. 255].

В обозначившемся ключе формируются контуры теории, которую отчасти разделял и Маркс: если главенствует потребительная стоимость, с нею, прежде всего, согласуется стоимость меновая [8, с. 692]. Причём в широком мировом масштабе, на уровне всеобщей стати-

стики, данное положение во многом применимо, подхлестывая неэффективные производства, как это произошло в настоящее время с Грецией, т.е. теперь уже именно меновая стоимость становится некой формой как бы универсального коэффициента рыночных взаимоотношений, «вокруг которого вращается вся логика экономических феноменов» [19, с. 1201-1202].

Правда, в сложившемся теоретическом раскладе возникает немаловажный нюанс, которого теоретики экономикса вроде бы не замечают. Суть в том, что потребители в большинстве своём – это соседние производители, а значит, шансы и тех и других неизменно уравниваются – потребление не превозносится над производством, производство согласуется со спецификой потребления. Однако рыночное мышление упорно настаивает, что подлинное благо – это только удовлетворение потребности. В этой связи возникает и ещё один существенный акцент. При активном господстве потребительских настроений в умах тех или иных людей начинает развиваться тяга к перенасыщению продуктами, алкоголю, порнографии, наркотикам, растёт проституция, которые тоже нередко входят в число потребностей.

Однако, несмотря на явные несуразности теории и по существу, и в отношении к её следствиям, утверждения рыночников остаются одноплановыми: именно потребление присваивает производству те или иные степени важности [19, с. 1204]. Малейшие жалобы потребителя вроде бы превращаются в «ЧП», при их возникновении производители должны не оправдываться, а исправлять положение. К настойчивому превознесению потребления над всем и вся прибавляется как бы практический аргумент: для американцев, мол, рынок – это всемогущество потребления. Хотя американское общество, как и всякое другое, совсем не однородно: многие американцы, как известно, неукротимые трудоголики. Значит, пример с американцами более сложен, чем кажется.

При господстве однобокой, с потребительским уклоном, меновой стоимости главной её рыночно-сигнальной природой становятся цены, которые, как утверждают представители экономикса, активно регулируют потребительские интересы. При потребительской жажде на некий товар цены взлетают, при пресыщении потребителя цены падают. Цены, по версии рыночников, в то же время не просто принадлежность рынка, они повсеместно вторгаются в производство, наводя в нём порядок: высокие цены стимулируют производство, но снижают объём покупок, заставляя производителей умерить свои запросы. Заниженные производителями цены стимулируют покупателя, но производитель столкнётся с ростом собственных убытков. Если цены предписывают правила развития производства, то у них же – главная роль при распределении ресурсов [16, с. 9]. Таким способом, внушает рыночная теория, цены регулируют структуру производства, обеспечивая своевременную и направленную его реконструкцию. Гимн ценам приводит к их своеобразному очеловечиванию – они, будто бы, удивительно умны, прозорливы, беспристрастны в своей рыночно-регулятивной миссии.

Хвалы ценам со стороны рыночников многократно усиливаются теорией предельной полезности. Именно она, как считается, предопределила миссию вторжения цен в жизнь производства [19, с. 1204]. Заслуга аналитического прозрения в отношении к роли цен связана с именем Менгера, хотя трудились во славу идеи предельной полезности многие рыночники, посвящая её комментариям, подчас, целые тома, как, например, Маршалл [9, с. 31]. В подобных исследованиях многократно напоминает: все условия производства неуклонно зависят от закона предельной полезности, то есть от исходно важной ориентации на рыночные цены, на запросы потребителя [19, с. 1215].

В своём развитии теория экономикса наталкивается на весьма сложное препятствие – существование монополий, однако теоретический олимп экономикса данного препятствия словно не замечает, связывая принципом предельной полезности даже деятельность монополий [19, с. 59]. Мол, ориентируясь исключительно на данный критерий, ТНК вынуждены осуществлять мощную координацию деятельности своих предприятий в регионах. Именно учитывая ценовую политику, они приостанавливают выпуск одной продукции и запускают другую в разных точках мира.

Временно допустив, что экономиксу удалось проскочить без потерь даже пик монополий, можно, в конце концов, столь же временно примириться с мыслью о том, что «весь аппарат чистой экономической теории унифицируется в свете единого принципа» [19,с. 1211-1212]. А коли так, почему бы, вслед за Госсеном не предположить, что экономикс победил классическую экономику, переведя стрелки с производства на потребление, совершив, тем самым, как бы Коперников переворот в экономической теории [19,с. 1211-1212].

§ 2. Ноты сомнений

Идя на поводу аргументации экономикса, мы всё же не должны вовсе забывать о богатстве произведённого и о тех, кто его создал. Более широко, мы не вправе упускать из виду не финансовую игру цен, остающуюся хоть и накладной по своим последствиям, но всё же игрой, не весьма шаткую меновую стоимость, которая колеблется подчас от лёгкого дуновения слухов до максимальных пределов. Нет, мы обязаны помнить о производителе, который на рынке вовсе не фиктивная фигура. Все имеющиеся виды общественных благ, повседневно окружающие любого человека в течение всей его жизни, явлены на свет именно из горнила производства. Потому полагаться на регулирующую роль в отношении к общественно-жизненным процессам, исходя лишь из критерия потребления благ, явно опрометчиво. В чисто онтологическом плане, если отсутствуют произведённые блага как таковые, рынок, даже обладающий многими средствами обмена (деньги, ценные бумаги, векселя и т.п.), нормально функционировать не сможет, поскольку произведённые фактические блага – его несущая основа.

Нам могут возразить: многие производители, забывая необходимость заботы о производстве и о продвижении его на потребительский рынок, заботятся исключительно о собственном кошельке. Ведь частное предприятие – вполне удобное средство для извлечения прибыли поборами да вымогательствами [19,с. 124]. Внешне такая картина вполне правдоподобна – уподобляющаяся бизнесу медицина, например, успешно истощает доходы пациента: хирург провоцирует необязательную операцию, психоаналитик растягивает лечение на годы, стоматолог без нужды удаляет из зуба здоровый нерв. Но в этом упреке недобросовестному производству большая часть упрека возвращается в адрес теории господства потребления. Ведь в приведённой ситуации и многих ей подобных потребление явно теряет господствующие позиции, превращаясь в роль жертвы поборов.

Что же касается производства, то нередко оно демонстрирует вовсе не пассивное движение за уровнем потребления, а на арене незримого состязания с ним производитель энергично вырывается вперёд. Действительно, конкурентные новшества очень часто превосходят потребности [13,с. 623]. В этом случае не покупатель, доминируя, выбирает тот или иной товар, а новейшее товарное многообразие увлекает за собою покупателя. И если приглядеться к данной особенности соотношения потребления и производства, нужно бы признать, что, в противовес утверждениям экономикса, в подлинном смысле движет экономикой энергичное предложение. На поле фактически существующего преобладания производства, теоретики экономикса, как бы не замечая нарушения их исходного принципа о господстве потребления, теперь уже советуют рекламе новых произведённых товаров быть навязчивой, соблазняющей, пробуждающей инстинкты потребления [10,с. 301]. То есть в фактической картине соотношения производства и потребления тем же самым экономиксом представители стороны потребления превращаются в объект манипуляторного воздействия со стороны производителей.

В среде производителей наиболее агрессивны ТНК: они беспрепятственно повышают цены, привязывают население слабых стран к своим полуфабрикатам, уверенно защищают свой экономический курс [5,с. 125]. Они легко вводят в обращение негодные товары, и никто в этом не признаётся [5, 262]. Рождается, тем самым, явная дисгармония: отношения, навязываемые производителем, завершающаяся агрессивным подавлением инициативы покупателя.

При постоянных нововведениях, вмешательстве в рыночную среду монополий или при промышленной технологии, загрязняющей экологию жизни общества, ранее превознесённое экономиксом любое ценовое равновесие между потреблением и производством нарушается [14, с. 71]. Резко видоизменяется ценовое равновесие при эпидемиях, когда все силы тех или иных стран направляются на обеспечение и восстановление главного – самой жизни. Кроме того, во всём мире постоянно даёт себя знать контролирующее присутствие правительств. А у них отчётливо нерыночные структуры – государственные монополии, силы армии, полиции [14, 74]. Столь же нелепо оглядываться на самостоятельную рыночную регуляцию при военной угрозе, тем более при масштабной обороне стран от военной агрессии.

При оценке действительных событий жизни оказывается, что знаменитая «невидимая рука» рынка проявляет себя «лишь в очень ограниченных условиях» [14, с. 320]. А экономикс, даже будучи распространённой в современных экономико-социальных обстоятельствах теорией, разворачивает свою главную аргументацию в отношении к какому-то малореальному миру. Ведь даже до настоящего времени специалисты экономикса, участвующие в совещаниях на базе Давоса, продолжают настаивать на факторе учёта мельчайших сигналов спроса/предложения, которые фактически складываются в чрезвычайно мозаичную, во многом случайную картину экономических отношений. Так создаётся, а может быть, и фабрикуется сомнительный фундамент новейшей экономической теории и практики. Одновременно, едва ли существенные соотношения спроса/предложения (на фоне мощных регулятивных структур) прививаются в качестве главных ориентиров плеяде подрастающих экономистов. Подобным способом молодые поколения обучают необъятной совокупности непрестанно меняющихся, микроскопических сигналов. Теперь уже этой новой плеядой экономистов микроскопические сигналы тщательно изучаются, а затем в качестве высшей догмы преподносятся обществу. Так, например, общество посредством СМИ приучают с пристрастием следить за постоянно скачущими ценовыми индексами мировых бирж, знакомство с которыми имеет значимость лишь для крайне узкой прослойки рантье, живущих за счёт финансовых спекуляций.

И возникает предположение, что подлинные регуляторы экономики, причины их действия, критерии, реальные предписания, соотносящиеся с фактически главными целями развития человечества, остаются пока в тени либо изначально игнорируются экономиксом.

§ 3. Нравственность на торгах

Наиболее знаменито утверждение экономикса о совершенстве конкуренции, являющейся, как нам внушают, подлинным благом в распределении ресурсов: природных, производственных, человеческих [18, с. 16]. Конкуренция эта, убеждают всех, вполне гуманна, так как совсем не похожа на смертный бой: «проигравшие не уничтожаются, они вытесняются на более скромные позиции» [10, с. 259]. Гуманизм, человечность – близкие каждому сердцу понятия, предполагающие такой же душевный отклик. Но у рыночного гуманизма – свойственный лишь ему привкус: торговец фруктами может жестоко избивать свою лошадь, отстреливать собак, а нас призывают спокойно к нему подходить и покупать апельсины или бананы, как советует Бьюкенен. Рыночный гуманизм поправляет наши привычные представления: искренность в отношениях, доверие, лояльность, правдивость не имеют свойства товарности и никак не могут считаться товарами, а значит, в рыночных отношениях ими можно и нужно беспрепятственно пренебречь.

Экономикс изначально и полностью объявляет войну нормам этики, ранее считавшимся общечеловеческими: этические суждения, якобы, претят научному определению максимальной эффективности [1, с. 39]. Или: «нормальная» амортизация – понятие для этики, а предприятие выбирает тактику, ориентируясь на ситуацию [1, с. 107]. Но в реальной жизни изношенные станки травматичны, изношенные самолёты, как правило, падают, губя людей.

То есть нарушение незыблемых этических норм, связанных с повсеместной заботой о человеке, отражается бедами для жизней многих людей. Экономикс, как бы не видя реально происходящих процессов, настаивает: зачем в условиях рынка вспоминать об альтруизме и любви к ближнему? Гораздо важнее законы стоимости и договора [18, с. 27]. То есть заявив о гуманизме конкуренции, экономикс с подлинным гуманизмом (а не выдуманым, рыночным) безоговорочно расстаётся.

Рыночное расставание с гуманизмом превращается в бегство, отчуждение и в карикатуру на него. Стать преступником, как считает Беккер [2, с. 293], не нравственное перерождение человека, а будто бы всего лишь иной жизненный мотив, иной расчёт затрат и выгод. А чтобы читатель, осознавая эти признания, не счёл себя слегка оторопевшим, его вразумляют: преступник вполне похож на столяра, инженера, учителя, посвящая своему труду «полное или неполное рабочее время» [2, с. 41].

Впрочем, нравственность в экономиксе не улетучивается вовсе. Если, например, преступника поймали и наказывают, то в отношении к нему, якобы, возникает «ценовая дискриминация» в сравнении с теми, кого не поймали [2, с. 294]. Проще говоря, пойманные преступники более обижены обществом, чем гуляющие на свободе и способные продолжать воровать, обретая незаконные богатства. В этой вывернутой наизнанку этике точкой отсчёта является преступный мир, а рядом – сочувствующий ему экономикс. Другой пример: при закрытии угольных шахт, при переселении сельчан в города сами жители городов, вроде бы, испытывают большие неудобства [1, с. 8]. т.е. оказывается, что, улучшая положение сельских шахтёров и делая, вроде, благое дело для них, мы всё же приносим гораздо больше вреда жителям города, неизбежно обедняя их благостную жизнь [1, с. 38]. Иначе говоря, как бы ни было плохо одной части общества при утрате производства и средств к существованию, благополучная часть общества должна бросить таких людей на произвол судьбы.

Привычная нравственность, развивающаяся в духовном мире человечества из глубины веков и сохраняемая в современности народами всего мира, вполне способна стать органичной для подлинной экономической мысли, в которой всегда сохраняется надежда на «повышение этических норм в хозяйстве» [9, с. 389]. На фоне подлинных этических норм, легко пронизывающих собой подлинно человеческие экономические отношения, люди и структуры в экономике капитализма явно бедны на сострадание [15, с. 614]. Тому немало способствовал и экономикс: если заходит речь о благотворительности, то допускается она им лишь ради выгод для собственной репутации: глядишь, власти простят тот или иной экологический ущерб [16, с. 126-127]. Если капитал берётся участвовать в госпрограммах, то лишь в надежде на гораздо большую прибыль.

В специфическом кодексе экономикса важнее не нравственность, а хитрость: личная цель большинства квалифицированных инвесторов сегодня – это «опередить пулю», то есть «перехитрить толпу» [6, с. 344]. Данное состязание в хитрости становится универсальным. Постоянно на товарах бракоделов появляются фальшивые ярлыки, как бы принадлежащие лучшим мастерам. Привлекательные товары часто в качественном плане сделаны плохо, а в отношениях продавцов к покупателям бытуют непрерывные обвесы, обмеры, обсчёты. И всюду рыночная среда порождает интриги: несправедливое «поношение продукта, давление на поставщиков ресурсов и банки, переманивание ведущего персонала, резкое снижение цен», чтобы обанкротить конкурентов [7, с. 95-96].

Благостная конкуренция, освящённая экономиксом, плодит почему-то несчастье за несчастьем. Звучит, например, призыв отпустить цены за квартплату, чтобы, якобы, выросли ресурсы на жилищное строительство. И вот на жильё – фундаментальное условие жизни всех членов общества – цены взлетают чуть ли не до небес [4, с. 112]. Но на приобретение такого жилья молодые семьи тратят до половины своей жизни, да и обслуживание жилья от высоких цен на коммунальные услуги лучше не становится.

Неуютно живётся специалистам и внутри мощных корпоративных структур. Генри Форд, например, увольнял классных специалистов – возможных конкурентов на своё место – по любым надуманным предложениям [22, с. 196]. Не посчитался он и с человеком, возглав-

лявшим его огромную компанию в качестве президента около десятка лет. Впрочем, и уволенный президент данной компании, жалующийся на свою судьбу, ранее сам беспощадно увольнял разные категории профессионалов, сохраняя «Форд» на плаву. Трудно списывать подобные эпизоды на случай, ведь конкуренция в своём сложившемся виде – жесточайшая борьба, а порой, подлинная война с противником до полного его уничтожения.

Следствия конкурентной войны неизбежно распространяются на ресурсы. И в потоке схваток за них у лиц, имеющих власть или богатство, оказывается безусловное преимущество. Страдающей стороной часто становится так называемый малоимущий потребитель, а фактически – подавляющее число граждан на планете. Именно большинству людей, если тестирование вредных лекарств как бы невыгодно из-за некоей дороговизны, приходится расплачиваться своим здоровьем. Сама конкурентная война неминуемо подвергает опасности жизнь общества. Участвуя в конкурентных гонках за каждый пенс, рубль, доллар, руководители компаний бросают все силы только на повышения индекса их капитализации, полностью игнорируя природоохранные меры. ООН в этой связи вынуждена констатировать: при стихии рынка главенствуют технологии, истощающие ресурсы планеты. Исходный ресурс планеты – само человечество. Но рыночный гуманизм плодит лишь суррогатных матерей, продажу человеческих органов, работоторговлю, преждевременное старение, смерти людей от перенапряжения нравственных и физических сил, что отчётливо видно в странах «третьего» мира.

§ 4. Робинзоны и монополии

Экономикс в восторге от частного предпринимательства. Единственный путь понимания рыночной среды и любого социального феномена, провозглашает он, изучение индивидуальных действий [18, с. 27]. Именно сквозь деятельность конкретных индивидов, учит экономикс, возможно различать особенности наций и государств [10, с. 44]. Да и источником развития цивилизации в целом, как нас убеждают, является дух индивидуализма, непрекращающаяся гонка отдельных обывателей за прибылью.

Вслед за экономиксом хвалы частному предпринимательству воздают многие современные учебники по экономике. Идея верховенства частного предпринимательства безоглядно поддерживается в ведущих СМИ. Возникает ощущение какой-то зомбированности общественного сознания, принявшего на веру аксиому верховенства частного предпринимательства над многими структурными институтами производства и обмена.

Проблема человеческой инициативы, в принципе, велика. Но люди не живут на обособленных островках, их усилия вливаются в реки наций, а те объединяются в мировом океане человечества. Великий океан человеческих отношений имеет свои мощные течения, которые либо подхватывают, либо губят лодки индивидуализма. В этой связи, экономические общественные отношения далеко не созданная отдельными предпринимателями реальность, а многостороннее выражение весьма мощных, чётко структурированных, развивающихся в данном структурном качестве сил.

В экономике, например, зримо проявляется общая тенденция акционирования, консолидации индивидуальных усилий, так как создание того или иного масштабного проекта нуждается в гигантских вложениях [21, с. 991]. Важно и то, что сама «экономика» производна от экономии, а она проявляется именно в условиях крупных производств, поскольку в их рамках (организационно, технологически и финансово) рождается новый мощный феномен – сила общественного труда [8, с. 90]. При крупной производственной общности, кроме того, для разных проектов используются те же производственные сооружения, оборудование, персонал, что значительно сберегает вложенные инвестиции [8, с. 94].

Жизнь поправляет индивидуалистические выкладки экономикса: на просторах современных экономических отношений индивидуальную конкуренцию всё мощнее и беспощаднее теснит конкуренция корпоративная [5, с. 24]. И действительно, далеко не отдельные рыночные герои, а социально-экономические структуры той или иной конфигурации осуществ-

ляют ныне сложнейшее государственно-корпоративное взаимодействие. Самыми устойчивыми из таких структур являются естественные монополии, создающие необходимейшие условия жизни общества, например: электроэнергетика, железнодорожный транспорт, тепло- и газоснабжение и т.п.

Монополий экономикс словно не видит: истинный индивидуализм в конкуренции – главная теория «спонтанных социальных образований» [18,с. 31], упорствует он, настаивая и на индивидуалистической основе общества, и на его спонтанном развитии. Теоретикам экономикса всюду видятся небольшие общины да местные автономии, а в мире давно царствуют колоссальные субъекты производства, среди которых особенной мощью и неприступностью выделяются естественные монополии. Впрочем, теоретики экономикса готовы превратить в фикцию даже очевидное превосходство корпоративного хозяйства над индивидуальным. Поэтому, согласно уже рассмотренной аксиоме экономикса, денежное отношение «между спросом и предложением однозначно определяет структуру цен» [10,с. 402]. А далее предполагается, что конкуренция именно между отдельными предпринимателями способна оставить позади даже монополиста, который, при слабом спросе на свой товар, окажется в убытке [7,с. 101]. Пусть тот или иной монополист устанавливает любые цены, они всё равно будут зависеть от оценки товара покупателем.

Рассуждая о проигрывающих отдельным предпринимателям монополистах, экономикс опять демонстрирует великую забывчивость или элементарное невнимание к фактической ситуации на рынке. Естественные монополии торгуют предметами первой необходимости, а население приобретает подобные товары при любых ценах, включая самые высокие. В России, например, в период распущенной либерализации, в отношении к нефтедобыче, её переработке, топливная промышленность увеличила цены в десятки тысяч раз [23,с. 116]. И не было никаких ни рыночных, ни потребительских сил, чтобы приостановить, затормозить, обернуть вспять этот, совершенно искусственный рост. Монополистам, неуклонно упорствует экономикс, неизвестна будущая реакция потребителей на повышение цены [10,с. 340], а это, якобы, обяжет их действовать осторожно, с безусловной оглядкой на запросы потребителя. Но экономическая практика принципиально иная: естественных монополистов реакция потребителей на повышение их монопольных цен просто не интересует. Они спокойно и методично наращивают ценовое давление на общество.

При рыночных критериях, вторгающихся в человеческие отношения, сознание общества нередко оказывается в полном тупике: с одной стороны, без естественных монополий [электроэнергетики, газоснабжения, железных дорог] обойтись невозможно. С другой стороны, с естественными монополистами, при их масштабах и господствующем положении, никто конкурировать не в состоянии. И расчленив их на рыночные сегменты часто бывает невозможно. Нелепы, например, попытки внедрения конкуренции между грузовыми и пассажирскими компаниями на базе единой железнодорожной инфраструктуры [23,с. 119-120].

Сложившаяся практика общества в отношении к естественным монополиям такова: общество в растерянности и беспомощности взирает на произвол естественных монополистов, а они, подчас, свободно и безнаказанно эксплуатируют те или иные группы населения. Население от этого несёт колоссальные убытки: например, за пятилетие цены на ЖКХ способны возрасти в 4506 раз; на газ в 3254, на горячую воду в 2700 раз [4,с. 113]. А тут же на глазах у беднеющего населения, понятно, на какие средства возникают огромные, экзотические, мгновенно строящиеся небоскрёбы высотных штабов, да и загородные поместья естественных монополистов. Менеджеры естественных монополий, в отличие от напряжённо и трудно выживающего населения, живут предельно обеспеченно и вполне беспечно, без всякого рыночного риска, приобщая к монопольно добытому богатству своих родственников [7,с. 103]. Тогда когда большая часть общества вброшена в круг конкурентных отношений, естественные монополисты круговой порукой защищены от рыночной конкуренции, а это прямо подталкивает их к лени и пренебрежению интересами общества [7, с. 104]. Невольно появляется резкое предостережение: громадное воровство олигархов естественных монопо-

лий становится «настоящей раковой опухолью...общества, способствуя его дальнейшему разложению» [12, с. 286].

Именно естественные монополии успешно преобразуются в ТНК. ТНК, согласно взвешенному мнению, становятся главными субъектами международной конкуренции. У этих мощнейших экономико-политических структур реальная рыночная власть в экономике и политике. Не затуманенное экономиксом сознание чётко фиксирует: рынок не может быть и не является контролирующей силой, он сам приспосабливается к нуждам и потребностям ТНК [5, с. 9]. Кто посмеет предъявлять какие-то рыночные права в ситуации, когда на долю 500 ТНК приходится почти 50% всех товаров и услуг в США? [5, с. 15].

ТНК, при всей их мощи, вынуждены считаться с сильными правительствами, расходуя огромные суммы на коррупционные выплаты правительственным чиновникам [3, с. 307]. Расследование в США 1970-х гг. зафиксировало не просто факты уплаты представителями ТНК крупных взяток, но и то, что часть из них была выплачена под давлением со стороны далеко не рядовых госслужащих [3, с. 368]. При миллиардных контрактах размеры взяток поднимались до семизначных цифр. Учитывая то, что правительства заключают те или иные крупные контракты постоянно, не сумели удержаться от коррупционной прибыли государственные деятели Японии, ФРГ, Италии, Колумбии, Ирана, Филиппин [3, с. 368].

Заключение

Мудрость не спешит салютовать экономиксу. Ей давно понятно, что ахиллесова пята современного капитализма – сделать богатых ещё богаче, в то время когда между ними и бедными всё более разverzается пропасть. Поэтому и экономиксу принципиально не нужна мудрость. При любом удобном случае ниспровергаются её авторитеты. Например, звучит лихой вызов Аристотелю, который, мол, «совершенно не понимал передового рыночного порядка, при котором жил» [17, с. 81]. А мудрец, прежде всего, искал критерии определения исходной меры деловых человеческих отношений – справедливости, которая внутренне регулирует многостороннюю жизнь общества в целом, а в частности – именно структурированные отношения [горизонтальные и вертикальные]. Рынок на этом фоне – лишь некоторая часть широких общественных отношений, далеко не самая главенствующая. Аристотель, в этой связи, расширяя мысленное пространство для определения необходимых условия создания личного и общественного счастья, легко фиксировал взаимный обман, к которому прибегают люди на рынке, прекрасно понимая, что объединение сил ради выживания немногим отличает людей от животных.

Экономикс не зря опасается мудрости, ведь ею давно опознана перевёрнутая рыночная нравственность. Когда, например, на рынке бралась спорить двое барыг, Диоген отмечал, что хотя один украл, другой ничего не потерял. Действительно, если оба живут обманом, справедливого меж ними не сыскать. Мудрость легко обнаруживает сговор торговцев, от которого постоянен большой урон и производителям, и покупателям, подмечал Фурье. Мудрости нетрудно осознать губительную перспективу расширения рыночных ценностей на всю жизнь общества, как обнаружил Р. Оуэн: тогда общество, вынужденно стремящееся покупать дёшево, а продавать дорого, обучается единственному приёму – обману. Потому мудрость сторонится и плохо структурированного, безнравственного рынка, и его весьма ангажированных идеологов в лице экономикса.

В то время как мощные административно-корпоративные структуры деформируют мировой рынок в угоду своим интересам, экономикс, занимая университетские, академические высоты и вершину нобелевского комитета, с фанатическим рвением продолжает выдвигать постулаты частного предпринимательства, равновесия спроса и предложения, ориентации на потребление. А общество оказывается перед необходимостью ответа на вызовы ухудшающейся экологии, истощающихся природных ресурсов, в силу чего останавливается и может развернуться в обратную сторону научно-технический прогресс. В этой атмосфере крайне вялого развития основные экологически-техногенные угрозы направлены, прежде всего, именно на человека, на его настоящее, на его будущее бытие на планете Земля. Следо-

вательно, думая о перспективе сохранения человечества на Земном шаре, о его полноценном развитии, важно кардинально изменить координаты понимания экономико-социальных реалий, сложившихся к настоящему времени и активно отстаиваемых теоретиками экономика. Человеку пора вернуть его подлинное гражданско-творческое достоинство, но не просто в рамках отдельных предпринимательских попыток, а в широком структурном ключе. Такой поворот предполагает внутреннее нравственно-структурное видоизменение самих естественных монополий, дабы их деятельность полностью согласовывалась со стратегическими целями человека творящего, человека-созидателя и материальных, и прежде всего – духовных ценностей на планете Земля.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алле, Морис. Условия эффективности в экономике / Морис Алле. – М., 1998.
2. Беккер, Г.С. Человеческое поведение: экономический подход: избранные труды по экономической теории / Г.С. Беккер – М., 2003.
3. Герчикова, И.Н. Международные экономические организации / И.Н. Герчикова. – М., 2001.
4. Глазьев, С. и др. Белая книга: Экономические реформы в России 1991-2002 гг. / С. Глазьев и др. – М., 2004.
5. Гэлбрейт, Дж. Экономические теории и цели общества / Дж.Гэлбрейт. – М., 1979.
6. Кейнс, Дж. М. Избранные произведения / Дж.Кейнс. – М., 1993.
7. Макконнелл, К.Р. Экономика: принципы, проблемы и политика: в 2-х т. / К.Р.Макконнелл, С.Л. Брю. – М., 1992. – Т.2.
8. Маркс, М. Капитал. Критика политической экономии / К.Маркс. – М., 1970. – Т.3.
9. Маршалл, А. Принципы политической экономии / А.Маршалл. – М., 1984. – Т. 2.
10. Мизес, Людвиг фон. Человеческая деятельность: трактат по экономической теории / Людвиг фон Мизес. – М. 2001.
11. Милль, Дж. С. Основы политической экономии и некоторые аспекты их приложения к социальной философии: в 3-х т. / Дж. С.Милль. – М., 1980. – Т. 2
12. Ослунд, Андре. Строительство капитализма / Андре Ослунд. – М., 2003.
13. Портер, Майкл. Международная конкуренция / Майкл Портер. – М., 1993.
14. Самуэльсон, Пол. Экономика / Пол Самуэльсон, В. Нордхаус. – М., 1997.
15. Уильямсон, О.И. Экономические институты капитализма / О.И. Уильямсон. – СПб. 1996.
16. Фишер, С. Экономика / С.Фишер, Р. Дорнбуш, Р. Шмалензи. – М., 1999.
17. Хайек, Ф.А. Индивидуализм и экономический порядок / Ф.А.Хайек. – М., 2001.
18. Хайек, Ф.А. Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма / Ф.А. Хайек. – М., 1992.
19. Шумпетер, Й.А. История экономического анализа: в 3-х т. / Й.А.Шумпетер. – СПб. 2001. Т.3.
20. Шумпетер, Й. Капитализм, социализм и демократия / Й. Шумпетер. – М. 1995.
21. Энгельс, Ф. Дополнения к III тому «Капитала»: Ф. Энгельс // Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. – М., 1970. – Т.3.
22. Якокка, Ли. Карьера менеджера/ Ли Якокка. – Минск, 2005.
23. Ясин, Е. Новая эпоха – старые тревоги: экономическая политика / Е. Ясин. – М., 2004.